

Ella ZADOROŽNIUK

Rosyjska Akademia Nauk, Moskwa

От мрака «нормализации» к миру демократизации: к вопросу о «бархатном» разводе Чехов и Словаков

Над 75-летней историей Чехословакии (1918–1993) постоянно довлел груз нерешенной национальной проблемы и связанного с ней государственно-правового устройства страны. На заключительном ее этапе он автоматически перенесся из времен «нормализации» через барьер «бархатной» революции в последнее десятилетие XX века.

Предметом данной статьи является рассмотрение того, как зародившиеся еще в предшествующий «бархатной» революции период противоречия в программных исканиях и установках чехословацкого оппозиционного движения в конце концов взорвали изнутри не только возглавившие «бархатную» революцию структуры – Гражданский форум (ГФ) и Общество против насилия (ОПН), но и само чехословацкое государство. Не будучи разрешенными в 1989-начале 1990 гг. во многом из-за отсутствия политической воли у руководства страны, они привели хотя и к «бархатному», но все же распаду Чехо-Словакии.

В целом лидерам «бархатной» революции так и не удалось ни на концептуальном уровне, ни на уровне практики урегулировать отношения между двумя народами – чешским и словацким, решить государственно-правовую проблему их политического сосуществования.

* * *

Как известно, «бархатная» революция, положившая начало переходу от «режима нормализации» к демократии, разрубила гордиев узел накопившихся в предшествующие годы противоречий. Она, по логике, должна была решить и одну из невралгических болевых точек чехословацкой истории – урегулирование отношений между чехами и словаками как государствообразующими нациями на новых демократических основаниях.

Достаточно серьезные попытки такого решения в духе «социализма с человеческим лицом» предпринимались со времен Пражской весны 1968 г., когда не только намечались траектории социально-экономических преобразований (введение элементов рыночной экономики, самоуправления на предприятиях) и политических реформ (плюралистическая политическая система), но и ставилась проблема государственно-правового устройства Чехословакии как федеративного государства.

Однако общественно-политическая трансформация 1968 года была прервана в результате вмешательства во внутренние дела суверенного государства вооруженных сил пяти стран Варшавского договора, вторжение которых интерпретировалось ими как «интернациональная помощь братскому народу». «Режим нормализации» свернул все инициировавшиеся Пражской весной социально-экономические преобразования и политические реформы, за исключением, как поначалу казалось, одной – трансформации государственно-правового устройства страны. Политическим силам, прервавшим Пражскую весну, представлялось, что оно, при внесении соответствующих корректировок, будет иметь сугубо формально-декоративный характер и мало что изменит по существу в «подлинно интернациональном» социалистическом обществе.

В подготовленной в 1979 году для IV Европейского отдела МИД СССР справке Советского посольства в Праге «К 60-й годовщине провозглашения Словацкой советской республики» отмечалось: «Полномочия возникших еще в ходе Словацкого национального восстания словацких национальных органов постепенно ограничивались и к началу 60-х годов были сведены практически на нет». В результате «требования снизу о перестройке государственно-правового устройства ЧССР на федеральной основе продолжали расти»¹.

Документ, составленный в разгар «нормализации», зафиксировал так и не разрешенную кризисную ситуацию, а официальные власти ЧССР в канун Пражской весны трактовали рост подобных требований как усиление националистических тенденций в Словакии и пытались вести с ними борьбу сугубо административными методами. Позиция словацкой стороны во главе со сторонником федерали-

¹ Архив внешней политики Российской Федерации, Фонд 138, Опись 60, Папка 179, Дело. 20, Лист. 45.

зации А. Дубчеком, ставшим в апреле 1963 г. первым секретарем ЦК КПС, квалифицировалась официальными пражскими властями как повторный всплеск словацкого «буржуазного национализма»².

Конфликты части словацкого политического руководства с централистской политикой Праги нарастали и вылились наконец в открытые требования федеративного устройства ЧССР. Осенью 1967 г. против А. Новотного в ЦК КПЧ выступила часть его словацких членов, включая А. Дубчека, а также те чешские коммунисты-реформаторы, которые стремились найти в Словакии поддержку своих планов общей демократизации страны³.

Пленум ЦК КПС (январь 1968 г.) подчеркнул необходимость расширения компетенций словацкого парламента – СНС. Специальная конституционно-правовая комиссия во главе с Г. Гусаком предложила проект закона об образовании конфедерации: предполагалось функционирование трех суверенных субъектов, отношения которых строились на принципах взаимоуважения, и вносилось фактическое право вето в форме запрета мажоритарного принципа⁴.

Руководство ЦК КПС, выступая с предложением введения симметричной модели партийной системы и настаивая на создании ЦК КП Чехии, т.е. аналогичного словацкой компартии территориального партийного органа, справедливо полагало, что без такого органа в Чехии и КПС не обладает должной самостоятельностью перед центральными партийными органами в Праге. Что касается исключения мажоризации одной национальной части делегатов над другой, то суть его заключалась в следующем: для принятия партийного постановления требовалось по меньшей мере 3/5 чешских и 3/5 словацких голосов делегатов – даже при ощутимо меньшем общем числе последних по сравнению с первыми. Но в чешской части КПЧ эти требования не нашли поддержки – даже с учетом возможности появления «национальной» Чешской компартии. Ставился, к примеру, такой вопрос: почему 1/5 общей численности КПЧ требует равных прав с 4/5 ее членов? Хотя в ЦК КПЧ требования паритета

² S. Sikora, *K vývoji v Komunistické strane Slovenska od októbra 1967 do augusta 1968*, w: *Slovenská spoločnosť v krízových rokoch 1967–1970. Zborník štúdií*, D. III, Bratislava 1992, s. 12–13.

³ J. Rychlík, *Česko-slovenské vzťahy a rozpad Československa*, „Česká slavistika” 1993. Česká přednášky pro XI. Mezinárodní sjezd slavistů, Bratislava 1993, s. 392.

⁴ *Ibidem*, s. 397.

квалифицировались как «словацкий паритетный догматизм»⁵, этот принцип впоследствии все же был задействован, однако не в партийных, а в государственных структурах.

Ключевым в плане выхода на новое решение проблемы государственно-правового устройства ЧССР следует назвать Заявление СНС от 15 марта 1968 г. В нем отмечалось: «Существующая так называемая асимметричная модель, которая в принципе не может отразить и правильно обеспечить государственно-правовые отношения двух равноправных народов, поскольку по-разному трактует их статус, за годы своей 23-летнего проведения в жизнь в государственно-правовой и политической практике в Словакии дискредитировала себя. Она не только не вела к укреплению единства республики, но напротив, к его ослаблению»⁶.

В документе речь шла о «социалистическом федеративном устройстве как форме, отвечающей марксистско-ленинским принципам национальной политики». Предлагалось провести «подготовительную работу для такого устройства в новой Конституции Чехословацкой социалистической республики еще в период подготовки XIV съезда КПЧ»⁷. Несмотря на соответствовавшую духу времени идеологическую окраску документа, в нем все же впервые официально прозвучал сакраментальный термин – «федерация».

Лишь вслед за этим тезис о «социалистической федерации» вошел и в принятую 5 апреля 1968 г. Программу действий КПЧ – документ коммунистов-реформаторов, где речь шла о необходимости «уважения преимуществ социалистического федеративного устройства как признанной и проверенной временем государственно-правовой формы сосуществования равноправных народов в едином социалистическом государстве»⁸. В документе не указывалось, кем была признана и насколько проверена эта форма; не исключено, что имелся в виду опыт Союза Советских Социалистических Республик – что было для того времени вполне понятно: опыт несоциалистических федераций (например, Швейцарской) в той Чехословакии был трудно применим.

⁵ S. Sikora, op. cit., s. 49.

⁶ *Dokumenty slovenskej národnej identity a štátnosti II*, Bratislava 1998, s. 531.

⁷ *Ibidem*, s. 532.

⁸ J. atkuliak, *Federalizácia československého štátu 1968–1970. Vznik česko-slovenskej federácie roku 1968. Dokumenty*, Praha–Brno 1996, s. 38.

«Государственно-правовое устройство на федеративных началах, – как полагает словацкий ученый М. Штефанский, – могло, несомненно, служить отправной точкой для демократизации государства, но лишь при условии дальнейших преобразований политической системы. При сохранении руководящей роли коммунистической партии в государстве и при федеративном устройстве полномочия федерального правительства, национальных правительств и их парламентов сводились к функции разработчиков директив Президиума ЦК КПЧ»⁹.

Все же Закон о чехословацкой федерации № 143/1968 (далее Закон 1968 года) был принят 27 октября 1968 г. Мотивы его принятия весьма противоречивы, один из них – стремление сил, подавляющих Пражскую весну, продемонстрировать сохранение в стране демократических начал. Действительно, можно следующим образом реконструировать логику тех, кто примирился с его провозглашением: при наличии единой компартии распаду страны по национальному признаку он не угрожает.

Каково же основное его содержание? В Преамбуле признавалась «неотъемлемость права на самоопределение вплоть до отделения [курсив мой. – Э.З.]» и подчеркивалось, что «добровольное федеративное государственное объединение является соответствующим выражением права на самоопределение и равноправие и вместе с тем наилучшей гарантией нашего полного внутреннего национального развития и для охраны нашей национальной самобытности и верховенства...». Глава первая гласила: «Чехословацкая Социалистическая республика есть федеративное государство двух равноправных братских наций – чехов и словаков» (ст. 1.1). «Основой Чехословацкой Социалистической Республики является добровольный союз равноправных национальных государств чешской и словацкой наций, базирующийся на праве каждой из них на самоопределение» (ст.1.2)¹⁰.

Закон был торжественно подписан 30 октября в Братиславском граде, то есть в день 50-й годовщины Мартинской декларации, президентом ЧССР Л. Свободой, председателем Национального собра-

⁹ M. Štefanský, *Slovensko v unitárnom štáte a česko-slovenskej federácii. Vznik Slovenskej Republiky*, w: *Dokumenty slovenskej národnej identity a štátnosti II...*, s. 487.

¹⁰ J. atkuliak, op. cit., s. 346. Полный текст оригинальной версии Закона 1968 года см.: *ibidem*, s. 346–373.

ния ЧССР Й. Смирковским и председателем правительства ЧССР О. Черником. Два последних впоследствии преследовались «режимом нормализации» как активные участники Пражской весны. Даже по этой причине этот важный документ 1968 года, подписанный двумя «ревизионистами», при восстановленной руководящей роли компартии в полной объеме реализован быть не мог.

Закон вступил в силу 1 января 1969 г. в сложной внутривнутриполитической обстановке борьбы консервативных и реформистских сил в КПЧ, завершившейся смещением со своих постов коммунистов-реформаторов; он представлялся мировой общественности в качестве своеобразного оправдания военному вторжению. Однако его ресурс в годы «режима нормализации» задействовать так и не удалось, а внесенные в 1970 г. новеллы усиливали централистские тенденции. Так, если в оригинальной версии Закона 1968 года экономика ЧССР определялась как интеграция двух национальных экономик, то, согласно Закону № 125/1970, народное хозяйство ЧССР являло собой единое целое, развивавшееся на основе социалистической хозяйственной системы. Далее, в вопросе о гражданстве Закон 1968 г. исходил из приоритета республиканского гражданства, в то время как в Законе 1970 г. чехословацкое гражданство трактовалось как база для первого.

По словам чешского историка Я. Рыхлика, в период 1970–1989 гг. чехи и словаки отдалялись друг от друга не только в экономическом, но также в духовном и культурно-политическом аспектах, то есть движение в направлении федерации имело место. При этом «само понятие федерации в Словакии в значительной мере было дискредитировано, поскольку связывалось с нормализационной версией урегулирования словацко-чешских отношений», – заключает он¹¹.

С этим выводом трудно не согласиться. Его подтверждают, к примеру, состоявшиеся 26–27 ноября 1971 г. всеобщие выборы в представительные органы власти. В них приняли участие свыше 99% избирателей. Курс на «нормализацию», в том числе и в национальном вопросе, в подобных условиях иногда казался безальтернативным – до полного безразличия на уровне общества. Власть никаких проектов реформ в данном направлении не предусматри-

¹¹ J. Rychlik, *Rozpad Československa. Česko-slovenské vzťahy 1989–1992*, Bratislava 2002, s. 65.

вала, что создавало иллюзию полного использования принципа федерализма в рамках социализма. Казалось, остается лишь справиться с некоторыми «пережитками» – например, с высокой приверженностью словаков к ценностям католицизма или с «подражательством Западу» со стороны молодых чехов – и появится «единый чехословацкий народ» по аналогии с «советским»...

Все это надо учитывать при анализе истории национального вопроса в ходе «режима нормализации» и в период его свержения. При этом если до середины 1970-х гг. его решение монопольно зависело лишь от воли партийных властей, ориентировавшихся на директивы из Москвы, то с появлением позднее неформальных оппозиционных структур, в первую очередь Хартии 77, появилась надежда на оформление и новых сценариев урегулирования отношений между чехами и словаками. Надежда, как показали события уже 1990-х гг., так и не оправдавшаяся: демократическая Чехословакия слишком быстро проехала остановочный пункт под названием «федерация»...

Но в складывавшемся в ЧССР с конца 1970-х годов «параллельном обществе» или «параллельном полисе» (по терминологии канадского исследователя Г. Скиллинга и чешского диссидента В. Бенды) постепенно кристаллизовались и альтернативные официальным законам и директивам концепции¹². Их анализ в предшествующий «бархатной» революции период дает возможность выявить и причины противостояний последующего, постноябрьского ее этапа. В частности, весьма важны элементы латентной структурированности чехословацкой оппозиции по национальной проблеме. Нельзя забывать и того, что в эту проблему входил также вопрос о статусе венгров и цыган, равно как и других этнических меньшинств в Чехословакии.

¹² Подробнее см.: М. Otáhal, *Opozice, moc, společnost. 1969–1989. Příspěvek k dějinám «normalizace»*, Praha 1994; М. Kołodziej, *Od Praskiej Wiosny do Aksamitnej Rewolucji. Opór społeczny i opozycja w Czechosłowacji w latach 1968–1989 – zarys problematyki*, w: *Studia i materiały z dziejów opozycji i oporu społecznego*, red. Ł. Kamiński, Wrocław 1998, s. 99–108; Т. Vilímek, *Srovnání vývoje, specifických odlišností a podobností opozice v ČSSR a NDR 1968–1989*, w: *Bolševismus, komunismus a radikální socialismus v Československu*, eds. Z. Kárník, M. Kopeček, Sv. II, Praha 2004, s. 271–310; Э. Задорожнюк, *Конфронтация «режима нормализации» и оппозиции в Чехословакии в конце 1980-х годов XX века*, „Środkowoeuropejskie studia polityczne”, Poznań 2004, nr 1.

Программные несостыковки определили и динамику решения национальной проблемы в последующий период, когда ее намеренная замороженность осложнила характер отношений между чехами и словаками едва ли не в первые дни «бархатной» революции. Создается впечатление, в соответствии с которым ее нарочитое упоминание вело к тому, что все надежды связывались с всеразрешающей демократизацией и правами человека – а там, дескать, исчезнут и национальные разногласия. Реальность же оказалась гораздо сложнее.

Следует подчеркнуть, что неплохим пророком в данном плане выступил генеральный секретарь КПЧ М. Якеш, который указал на опасность ирредентистских и сепаратистских взглядов. На встрече руководителей коммунистических и рабочих партий стран Организации Варшавского договора 8 июля 1989 г. в Бухаресте он отметил, что перестройка «по сути дела везде обнажает националистические проявления. В связи с этим всем нам надо противодействовать росту национализма»¹³. В. Гавел о данной опасности заявил значительно позднее – лишь в конце 1990 г.¹⁴, когда угроза распада единого государства становилась все более реальной.

С особой интенсивностью альтернативные официальным законам и директивам взгляды на проблему государственно-правовых отношений стали проявляться в 1988 году, который являлся юбилейным (70-я годовщина образования Чехословакии). Ранее они очень слабо просматривались в программных документах основных структурных компонентов «параллельного общества» – Хартии-77,

¹³ Архив Горбачев-Фонда, Фонд 1, М. С. Горбачев, Опись 1, *Встреча в «узком составе» руководителей братских партий – членов Варшавского договора. 8 июля 1989 г.* См. также: Э. Г. Задорожнюк, *Революции 1989 г. и процессы становления новой региональной идентичности Центральной Европы (по архивным материалам)*, в: *Революции 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы. Взгляд через десятилетие*, Отв. ред. Г. Н. Севостьянов, Москва 2001, с. 80.

¹⁴ 10 декабря на заседании двух палат ФС ЧСФР президент В. Гавел заявил: На этот раз нашему государству угрожают не извне, как это уже неоднократно происходило в прошлом, а изнутри: мы сами угрожаем ему низким уровнем нашей политической культуры, недостатком демократического сознания и взаимопонимания, мы угрожаем ему своей неопытностью, свойственными нам неверными подходами. См.: *Federální shromáždění České a Slovenské Federativní Republiky, Zpráva o 5. Společní schůzi Sněmovny lidu a Sněmovny národů*, 3. Den. 10 XII 1990, Praha 1990, s. 243.

Движения за гражданскую свободу, Демократической инициативы и Клуба за социалистическую перестройку – Возрождение.

Хартия 77 акцентировала внимание на защите прав и свобод, руководствуясь принятой ООН Хартией прав человека и гражданина. В этом русле «выстроены» и все документы Хартии 77, в которых одним из главных выдвигалось требование восстановления государственного суверенитета Чехословакии, с чем связывался вывод советских войск из страны¹⁵. Какого-либо акцента на государственном суверенитете Чехии или Словакии в ее документах не просматривается. Более того, в предметном указателе документов Хартии проблема чешско-словацких отношений не значится вообще, хотя здесь можно найти рубрики «О положении венгерского национального меньшинства в ЧССР (всего 5 документов)¹⁶» и «О положении цыган» (1 документ)¹⁷.

Лишь спустя десять лет в материале «О дальнейшей деятельности Хартии 77 и подготовке ее документов» от 19 октября 1988 г. говорится следующее: «Особого внимания заслуживают чешско-словацкие отношения, положение национальных меньшинств и цыган, а также женщины и молодежи»¹⁸. Несмотря на столь многообещающий посыл, эта проблема поднималась хартистами и в дальнейшем лишь в общем ключе, а в контексте переоценки Пражской весны как реализации идеи все-таки социализма – хотя и с «человеческим лицом» – Закону 1968 г. должного внимания не уделялось.

Надо подчеркнуть, что во взглядах лидеров Хартии 77, происходила примечательная метаморфоза: «параллельный» перенос сложнейшей проблематики чешско-словацких отношений в плоскость отношений чехословацко-советских. Вопрос восстановления государственного суверенитета Чехословакии связывался с выводом вторгшегося в страну в августе 1968 г. и оставшегося на ее территории советского воинского контингента. При этом как бы

¹⁵ См.: *Charta 77. 1977–1989. Od morální k demokratické revoluci. Dokumentace*, ed. V. Prečan. Scheinfeld-Schwarzenberg–Bratislava 1990, s. 467–468.

¹⁶ В 1970-е годы в отдельных кругах словацкой общественности материалы Хартии 77, в которых критиковалось положение венгров и цыган в Словакии, вызывали непонимание. См.: J. Rychlík, *Česko-slovenské vztahy v letech 1970–1989*, w: *Slovanské historické studie*, Praha 2002, s. 48, Pozn. 78.

¹⁷ *Charta 77. 1977–1989...*, s. 468.

¹⁸ *Ibidem*, s. 216.

предполагалось, что другие проблемы, в том числе и государственно-правовой статус Чехии и Словакии, решатся автоматически сами собой.

В более четком плане поднималась эта проблема неформальным объединением, возникшем спустя 10 лет после создания Хартии 77 – Демократической инициативой. Еще до ее создания в материале «Размышления о нормализации общественной ситуации» можно найти упоминание об отношениях между чехами и словаками в контексте комплекса вопросов, касавшихся сближения государства и общества (раздел Б). В краткой к нему преамбуле указывалось на *«недостаточно корректные отношения между чехами и словаками [выделено в документе – Э.З.], что вытекает из несовершенной формы чехо-словацкой государственной федерации»*. По мнению авторов материала – участников будущей Демократической инициативы, урегулирование данной проблемы «способствовало бы не только улучшению отношений и связей между двумя нациями, более того оно позволило бы предпринять позитивные шаги в пользу национальных меньшинств на территории нашего государства»¹⁹. Они справедливо подчеркивали, что нынешняя ситуация помимо значительных экономических трудностей в значительной мере содействовала отчуждению государства не только от словацкой, но и от чешской нации, порождая трудности в отношениях между народами. «Плодотворное конституционное устройство можно наблюдать в создании только трех федеральных структур (иностраннных дел, национальная оборона, федеральные финансы), в то время как остальными делами могли бы управлять обе республики раздельно, из своих бюджетов»²⁰.

Обсуждение этого документа сопровождалось многими замечаниями. В частности, П. Питгарт, касаясь отношений между чехами и словаками, советовал быть «крайне осторожными», назвав данную проблематику «взрывной». Весьма правдоподобно, пророчески заметил он, что «ситуация конца шестидесятых годов будет повторяться. Но здесь кроется опасность социальной демагогии и возникновения массовых беспорядков, поэтому я бы очень осторожно взвешивал каждое слово. В чем некорректность данных отношений и что под

¹⁹ *Hledání naděje 1978–1987. Výběh z ineditních sborníků*, Praha 1993, s. 159.

²⁰ *Ibidem*, s. 160.

этим, скорее всего, подразумевается? Единственное, что приходит в голову – с точки зрения структуры коммунистического движения здесь имеет место асимметрия и в этом смысле чешская сторона является более уязвимой. Не знаю, учитывалось ли это авторами текста. Они могли иметь в виду и перераспределение национального дохода в пользу словаков, что действительно является проблемой, которую следовало бы обсуждать, но делать это нужно крайне осторожно и взвешенно. Наконец, они могли касаться и персональной стороны этих отношений, то есть характера связей между представителями этих двух народов. Поскольку в другой части текста говорится о разросшейся бюрократии, что очевидно, постольку и предложение по упрощению структуры министерств уместно. Просто у меня такое чувство, что формулировка недостаточно корректные отношения нуждается в уточнения или изъятии, поскольку данный вопрос, к сожалению, все еще является весьма животрепещущим»²¹. Данная обширная цитата выявляет следующий момент: представители ряда оппозиционных сил уясняли крайнюю сложность национального вопроса. И, может быть, именно поэтому воздерживались даже от его проговаривания. И лишь Питгарт нарушил это как бы негласное табу.

Одна из чехословацких оппозиционных структур под названием Демократическая инициатива, начавшая свою деятельность 18 сентября 1987 г., настойчиво акцентировала внимание на демократических ценностях первой Чехословацкой республики. Так, один из ее основателей Э. Мандлер определял общую линию чешского политического мышления как «демократическую традицию, основанную на личностях Палацкого, Гавличка и Масарика... У нас нет другой такой традиции, которая была бы столь либеральной, столь общественно позитивной и конструктивной с национальной и государственной точек зрения»²². Правда, относительно того, как данная традиция будет преломляться в решении национального вопроса, им ничего конкретного сказано не было. Впоследствии подобного рода позиции подверглись уточнениям, а в декабре 1987 г. соответствующие пассажи в связи с 70-летием возникновения Чехословакии были откорректированы следующим образом: вести просветитель-

²¹ Ibidem, s. 176.

²² Цит. по: ibidem, s. 5.

скую деятельность по «истории демократических традиций в Чешских Землях и Словакии, в первую очередь о создании и развитии чехословацкого государства»²³.

К началу августа 1988 г. более конкретные очертания получило внешнее измерение национальной проблемы. Так, в Заявлении Демократической инициативы подчеркивалось: «Чехи и словаки относительно мало сопротивлялись введению авторитарного режима и приняли его правила, которые в первую очередь исключили свободу человека и *национальную свободу* [курсив мой. – Э.З.] из иерархии общественных ценностей, а любую общественную активность оценивали как негативную; после этого чехословацкое общество по сей день пребывает в тяжелой политической летаргии. Двадцатая годовщина всем нам должна явиться напоминаяем необходимости объединения сил для совместной политической борьбы за демократизацию нашей жизни».

Достаточно принципиально обозначена Демократической инициативой и проблема чехословацко-советских отношений: «Новый подход к отношениям между Советским Союзом и Чехословакией следовало бы подкрепить *немедленным выводом символической советской части с чехословацкой территории* [курсив мой. – Э.З.]»²⁴. Тем самым внешнее и внутреннее измерения национальной проблемы в документах Демократической инициативы размещались в отдельных документах, посвященных соответствующим вехам истории Чехословакии, они шли параллельным курсом, не пересекаясь и не коррелируясь.

В «Воззвании к 28 октября» от 12 октября 1988 г. декларировалось: «70 лет назад возникло наше современное самостоятельное государство, в течение 20 лет являвшееся оазисом свободы и демократии в Центральной Европе, заложившее традиции, к которым мы сегодня с гордостью присоединяемся»²⁵. В нем прозвучало требование провозгласить день 28 октября государственным праздником. Абрисы политических установок движения получили отражение в мае 1989 г. в третьей программе данной оппозиционной структуры «К чему стремится Демократическая инициатива», в которой открыто говорилось о необходимости проведения «кардинальных

²³ Ibidem, s. 29.

²⁴ Ibidem, s. 60–61.

²⁵ Ibidem s. 67.

общественных реформ». Движение заявило о своей приверженности «традициям модерного чешского общества (Палацкий – Гавличек – Масарик)» – снова без упоминания словацкого общества²⁶. Неявная апелляция к опыту Т. Г. Масарика в данном и ряде других документов просматривается с достаточной определенностью, но без рассмотрения его программ решения национальной проблемы. Помимо этого подчеркнут приоритет политических реформ, а также необходимость отмены главного идеологического документа «режима нормализации» – «Уроков кризисного развития...»²⁷. Достаточно детально в документе обозначены сферы, требовавшие реформирования: идеологическая, культурная, экономическая, религиозная (отделение церкви от государства)²⁸.

В этом же ключе составлено также инициированное в немалой степени Демократической инициативой Обращение чехословацких независимых структур к годовщине 21 августа 1968 г., адресованное правительствам и парламентам пяти государств – НРБ, ВНР, ПНР, ГДР и СССР с требованием осудить интервенцию 1968 года и вывести советские войска из Чехословакии. Обращение было принято 3 июля 1989 г. и содержало три требования: «1. Признать интервенцию 1968 года актом, грубо нарушающим международное право и противоречащим букве и духу хельсинкского процесса; 2. Публично отказаться от доктрины Брежнева, которой обосновывалась интервенция. 3. В случае исправления нарушений международного права, войска, которые 21 год назад незаконно вступили на нашу территорию, должны быть выведены из Чехословакии»²⁹.

11 сентября 1989 г. Чехословацкая демократическая инициатива (так начала именоваться с осени Демократическая инициатива) направила в МВД ЧССР просьбу о ее регистрации в качестве политической партии, где подчеркивалось, что она опирается на

²⁶ Ibidem, s. 136.

²⁷ *Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ*, Документ, принятый на пленуме ЦК КПЧ в декабре 1970 г. Перевод с чешского, Москва 1971.

²⁸ Ibidem, s. 137–138.

²⁹ Текст Обращения подписали: Хартия 77, Демократическая инициатива, Независимое объединение за мир, Клуб правовой поддержки, Клуб за мир Джона Леннона, Чехословацкий хельсинкский комитет, Движение за гражданскую свободу, Общество друзей США, Чешские дети, Христианская уния за права человека. Ibidem, s. 151–152.

ценности Первой республики, а также на деятельность Т. Г. Масарика. «Это традиции индивидуальной и национальной свободы и демократии она понимает как составную часть духовного завета христианской Европы». Словакия в поле зрения составителей и данного документа снова не попала, а национальный вопрос, о настоятельности обсуждения которого так убедительно говорил П. Питгарт еще в 1986 г., практически не упоминался в качестве самостоятельного.

15 сентября Чехословацкая демократическая инициатива выступила с Программным заявлением, в котором говорилось: «Исходным пунктом нашего нынешней деградации, несомненно, является кризис чехословацкой государственности [выделено в документе. – Э.З.]. ЧССР – государство, которое *систематически и решительно отвергает свой собственный суверенитет* [курсив мой. – Э.З.]»³⁰. Во второй части программы («Пути преодоления кризиса») – речь шла об укреплении чехословацкой государственности с выделением двух этапов этого процесса. Второй из них, как подчеркивалось в документе, «должен начаться с разработки и принятия *новой демократической конституции...* Составной частью второго этапа должно стать – наряду с обеспечением *демократического характера чехо-словацкой федерации* [курсив мой. – Э.З.] обеспечение соответствующих прав национальным меньшинствам, в первую очередь венгерскому»³¹. «Разумеется, одним из важнейших условий стабилизации нашей государственности является осуждение чехословацкими законодательными органами вооруженной интервенции пяти стран Варшавского договора как вмешательство во внутренние дела суверенного государства». Решение национальной проблемы тем самым виделось составителям документа уже не как сочетание внешнего и внутреннего ее измерений, а как подчинение внутреннего внешнему.

4 октября в документе под названием «Информация о программе Чехословацкой демократической инициативы» снова подчеркива-

³⁰ Ibidem, s. 173. Несколько позднее, 4 октября 1989 г., эти формулировки подвергались корректировкам и приобрели следующее звучание: «... нынешнее чехословацкое государство систематически и настойчиво отрицает свою собственный суверенитет; подчиняется доктрине Брежнева и защищает обоснованность военной интервенции против себя самого». См.: Ibidem, s. 186.

³¹ Ibidem, s. 172–173.

лась настоятельность разработки новой Конституции, которая должна «укрепить демократический характер чех[ословацкой] федерации и обеспечить соответствующие права национальным меньшинствам, в первую очередь самому крупному из них – венгерскому». Однако в качестве главного условия и предпосылки решения любой проблемы являлось осуждение чехословацкими исполнительными и законодательными органами «военной интервенции пяти стран Варшавского договора против ЧССР в 1968 году»³². Нужно отметить непоследовательность ее позиции в этом вопросе даже на терминологическом уровне: чехо-словацкая федерация пишется то через дефис, то слитно. К тому же она ратовала за разработку новой чехословацкой Конституции, не выходя за рамки общепринятой в период «режима нормализации» официальной властью схемы – так называемой триединого чехословацкого Основного закона ЧССР.

Лишь после начала «бархатной» революции, в Заявлении от 7 декабря 1989 г. Чехословацкая демократическая инициатива уточнила: она «основывается на чешских демократических традициях, политическом завете Палацкого, Гавличека и Масарика, а в Словакии – на Милана Р. Штефаника [курсив мой. – Э.З.] и воспринимает эти традиции как своеобразную реализацию заветов христианской Европы»³³.

Созданное в октябре 1988 г. оппозиционное Движение за гражданскую свободу в своем первом Манифесте проблеме государственно-правовых отношений посвятило отдельный 11-й раздел – «Национальная самобытность». «На смену федерализованному тоталитаризму, – говорилось в нем, – должна прийти демократическая федерация [курсив мой. – Э.З.], поскольку лишь она может функционировать как неманипуляционное отражение воли наших народов к совместной государственной жизни и одновременно создавать им условия для действительно самобытного развития, вытекающего из их аутентичных чаяний. Стремление к демократическому плюрализму должно сопровождаться усиленным пониманием естественного отличия общественных структур, которые будут проявляться в двух национальных республиках и в жизни меньшинств»³⁴.

³² Ibidem, s. 186.

³³ Ibidem, s. 215.

³⁴ *Hnutí za občanskou svobodu...*, s. 30.

Тем самым в определении курса на «демократическую федерацию» просматривается сходство с концептуальными установками Демократической инициативы. Однако две неформальные структуры не уточняли, какое конкретное содержание они вкладывали в концепцию «демократической федерации».

Наказом, предостережением и вместе с тем своего рода установкой звучат заключительные слова 11-го раздела Манифеста: «У нашего современного государства имеется немало горького опыта в плане недостаточного уважения к национальным различиям, проявляло ли его оно само или же государства, которые его окружали. Хотя бы только по этой причине ему следует проявлять к национальным вопросам значительно больший интерес, нежели тот, какой оно проявляет сегодня по вине господствующей в нем системы»³⁵.

Данная установка воплотилась в жизнь несколько позднее, в документе «Принципы новой Конституции» от 26 июня 1989 г., разработанном Временным координационным комитетом Движения за гражданскую свободу для дискуссии. В нем предпринята попытка представить расширенное толкование представлений о реформировании государственно-правой сферы. В его первом разделе «Принципы государственного устройства» констатировалось: «Чехословакия – федерация двух национальных республик, Чешской и Словацкой. Имеющиеся конституционные полномочия двух республик нельзя ограничивать ни при каких условиях. Напротив, было бы уместно, если бы *наряду с чехословацкой конституцией существовали и конституции двух республик*. Всеобщая декларация о добровольном союзе двух равноправных наций может составить реальную правовую основу для конституционного постулирования *права на национальное самоопределение вплоть до возможного отделения* [курсив мой. – Э.З.]. В рамках Чешской республики необходимо новое определение положения Моравии с учетом ее исторической и культурной специфики»³⁶.

Это были уже далеко идущие заявления: в них шла речь о необходимости принятия не одной общегосударственной чехословацкой Конституции, а трех – чехословацкой и двух республиканских.

³⁵ Ibidem.

³⁶ Ibidem, s. 149.

Не меньший интерес представляют концепции еще одной разновидности оппозиционного движения: Клуба за социалистическую перестройку – Возрождение, возникшем в середине февраля 1989 г. и объединившем бывших коммунистов-реформаторов. Многим из них уже приходилось решать узел накопившихся чешско-словацких противоречий в ходе Пражской весны, но в дальнейшем оказалось, что как раз их опыт оказался не востребовавшимся после 17 ноября 1989 г.

Впервые национальный вопрос был поставлен Клубом 19 мая 1989 г.: «Мы поддерживаем перестройку чехословацкого общественного и государственного устройства *на основе суверенных национальных интересов* [курсив мой. – Э.З.], демократического способа общественной жизни и социалистической трактовки труда и распределения материальных и духовных богатств»³⁷. В этом документе достаточно четко слышны отзвуки Пражской весны, хотя он носит довольно абстрактный характер.

17 июня был принят «Проект программных тезисов Возрождения», который предлагался для широкой дискуссии в оппозиционных кругах. В третьем разделе «Политическая система» (параграф 24) говорится: «ЧССР является федеративным государством двух республик. Бюрократический централизм периода нормализации привел к деформации идеи и практики федерации с приоритетом власти над автономными правами национальностей обеих республик. Помимо этого Чешская республика не имеет некоторых важных национальных органов. Целесообразно сформировать полностью симметричную модель федерации, а также конституционно закрепить демократический строй двух республик, *включая право выхода из федеративного союза* [курсив мой. – Э.З.]». Этот документ примечателен еще и тем, что в нем предпринята попытка определить компетенции федерации: целесообразное единое управление, интеграция национальной экономики, внешняя политика и оборона, транспорт и связь, законодательная сфера и пр. Кроме этого ставился и вопрос о корректировках избирательной системы: «Президент республики избирается из двух или более кандидатов, уважаемых

³⁷ *Obroda – Klub za socialistickou přestavbu. Dokumenty*, eds. Z. Kokošková, S. Kokoška, Praha 1996, s. 100.

и авторитетных лиц, причем всенародными голосованием»³⁸; «все-народные» – значит: чехами и словаками вместе.

Таким образом, в программах четырех оппозиционных структур проблема будущего государственно-правового устройства Чехословакии до 17 ноября 1989 года получала некоторое отражение. Однако каждая из структур имела свои порой разительно (и даже радикально) отличавшиеся представления о путях решения национального вопроса. Более или менее согласованной конструктивной модели государственно-правового устройства в период до 17 ноября чехословацкой оппозиции создать так и не удалось. А тот момент, что вышеупомянутые движения доминировали в основном в Чехии, хотя и претендовали на выражение общегосударственных интересов, лишь усугублял ситуацию неопределенности.

Что касается взглядов словацкой части оппозиции, то они не столько излагались в документах, сколько проявлялись в беседах, интервью, дискуссиях. Правда, не следует забывать, что ноябрь 1989 г. – это время выдвижения лидеров словацкого национального движения как раз из партийной среды; имена В. Мечьяра и Р. Шустера – явное тому свидетельство. Словакия в каком-то отношении напоминала Венгрию, где контр-элита рекрутировалась из правящей партии.

Куда внятнее слышался голос антикоммунистической оппозиции. Так, в марте 1989 г. состоялась беседа Э. Кантурковой (от редакции издания «Альтернативы») с Я. Чарногурским о Словакии и словаках. На ее вопрос, что фактически принес Словакии Закон 1968 г. о федерации, он ответил: «Все законы имеют в коммунистических государствах лишь относительное значение. С федерацией мы получили формальное равноправие в республике, но все равно не можем по своей воле упорядочить отношения в Словакии, поскольку нам в этом мешает коммунизм. Это состояние не позволяет развить все преимущества федерации и затеняют ее значимость. Под преимуществами я имею в виду то, что в делах, решение которых предоставлено национальным республикам, прежде всего в сфере образования, культуры и частично в экономике, мы могли бы проводить в Словакии политику, которая устраивает нас». Чарногурский указал далее на рост экономического потенциала Словакии в рамках Чехословацкой социалистической республики и подчеркнул, что

³⁸ Ibidem, s. 109.

если этот рост будет продолжаться, то закономерно усилятся и политические претензии Словакии. «Это может вести к трениям; нельзя исключать и того, что появится демагог, который хотел бы ими злоупотребить». В этом плане словацкий оппозиционер оказался столь же прозорливым, сколь и руководитель тогдашней Чехо-словацкой компартии. Вместе с тем Чарногурский не исключал и интеграционную перспективу: «Мы должны сознавать, что живем в динамический период различных тенденций, в том числе и интеграционных. Из них могла бы появиться и такая возможность: *Чехо-словакия* [курсив мой. – Э.З.] станет первым государством будущей интегрированной Центральной Европы»³⁹.

К 20-й годовщине образования чехо-словацкой федерации (1 января 1989 г.) Я. Ферианс заявил, что «без свободы народов нет и гражданских прав»⁴⁰, а П. Канис подчеркнул, что «административно-командная система управления не ограничилась лишь сферой национальной экономики, но ... сыграла и в истории чешско-словацких отношений свою неблагоприятную роль»⁴¹. Это наводило на мысль о необходимости исправления существующего положения, однако каких-либо конкретных способов решения представлено не было.

Таким образом, в канун «бархатной» революции всем составным частям чехословацкого оппозиционного движения не удалось сформировать согласованного подхода к решению проблемы государственно-правового устройства единой страны, что не могло не сыграть негативной роли в дальнейшем, когда демократические силы пришли к власти. Этим, разумеется, воспользовались силы, трактовавшие данную проблему, исходя из своих сугубо эгоистических интересов, без оглядки на настроения общества, а чаще всего даже идя с ними вразрез. И предостережения Якеша и Чарногурского, можно сказать еще раз, оказались хорошо исполняющимся пророчеством.

Первым после начала «бархатной» революции о своей позиции по проблематике чешско-словацких отношений публично заявил В. Гавел в записанном 21 ноября на магнитофон Обращении ко словац-

³⁹ Ibidem, s. 100.

⁴⁰ *November 1989 a Slovensko. Chronológia a dokumenty (1985–1990)*, eds. J. atkuliak, V. Hlavová, A. Sedliaková, M. Štefanský, Bratislava 1999, s. 264.

⁴¹ Ibidem, s. 265.

кому народу. «Двадцать лет назад, – говорилось в нем, – мы достигли федеративного устройства. Я твердо убежден, что федерализованная тоталитарность трансформируется в демократическую федерацию и что мы будем жить как два полноправных братских народа [...] дружба которых будет действительно аутентичной»⁴². Тезис о «демократической федерации» Гавелом не уточнялся и не раскрывался, хотя его можно расценивать как намерение одного из лидеров ГФ решить проблему более адекватными средствами.

Через день, 23 ноября, Гавел в своем Заявлении на манифестации на Вацлавской площади помимо прочего подчеркнул, что народное движение, охватившее Чехословакию, «является движением двух наших народов. Его спикером спонтанно стал Гражданский форум, который сегодня является *единственным фактическим представителем народной воли...* [курсив мой. – Э.З.]»⁴³. Гавел произнес эти слова в момент, когда в Словакии уже развертывало свою деятельность движение ОПН, также считавшее себя фактическим представителем народа. Как представляется, подобного рода не совсем точные и продуманные формулировки отнюдь не способствовали укреплению взаимопонимания. Возникал вопрос: какое же из двух движений не только укажет на настоятельность и актуальность решения проблемы чешско-словацких отношений, но и представит конкретную программу их урегулирования?

Анализ программных документов ГФ вплоть до 26 ноября, к сожалению, не дает повода утверждать о наличии в них каких-либо подвижек даже в сугубо постановочном ключе относительно решения данной проблемы⁴⁴. Первыми о ней заявили ОПН и Координационный комитет словацких вузов, принявшие 25 ноября совместное Программное заявление: «Мы требуем *демократическую федерацию* [курсив мой. – Э.З.] чехов и словаков и законное урегулирование права и положения национальностей на принципе полного и фактического равноправия»⁴⁵. С некоторым отставанием, на следующий день, 26 ноября, ГФ также определяет свою позицию в вопросе

⁴² J. Suk, *Občanské fórum. Listopad-prosinec 1989*, Díl 1, *Události*, Brno 1997, s. 58; см. также: *November 1989 a Slovensko...*, s. 340.

⁴³ J. Suk, *Občanské fórum. Listopad-prosinec 1989*, Díl 2, *Dokumenty*, Brno 1998, s. 19.

⁴⁴ *Ibidem*, s. 22–24.

⁴⁵ *November 1989 a Slovensko...*, s. 358.

государственно-правового урегулирования чешско-словацких отношений. В программе «Чего мы хотим» (пункт 2) говорилось: «Чехословакия при сохранении принципа федеративного устройства государства [курсив мой. – Э.З.] будет равноправным союзом двух наций и национальностей»⁴⁶.

В предлагавшихся версиях можно усмотреть определенные нюансы имели место и обойти их молчанием достаточно трудно. Так, чешская сторона на тот момент ориентировалась на сохранение уже сложившегося статуса чехословацкой федерации, словацкая же предпочла его изменение в демократическом ключе. Как и в доноябрьский период, смысл содержащихся в программах терминов оппозиционными силами не расшифровывался.

29 ноября на совместном заседании лидеров ГФ и ОПН представители двух делегаций констатировали: они видят в своих движениях «суверенных представителей чешского и словацкого гражданского движения», а также ведут сотрудничество «на базе взаимного партнерства, вытекающего из их сходных программ и целей». Было заявлено о практически тождественных представлениях относительно перспектив совместного государства. Единой целью при этом называлось «преобразование Чехословакии в демократическую федерацию [курсив мой. – Э.З.], в которой чехи и словаки вместе с другими национальностями будут жить во взаимной дружбе и взаимопонимании»⁴⁷. Тем самым ГФ скорректировал свои взгляды в вопросе государственно-правового устройства страны, заявив о более усложненном его варианте: трансформации ЧССР в «демократическую федерацию», то есть «подверстав» свою позицию к словацкой концепции, а также к позиции тех неформальных структур, которые требовали демократизации федерации еще до 17 ноября.

Однако «демократизация федерации» без развернутого представления о ходе данного процесса в сфере национальных отношений не устраивала другую часть оппозиции, также вошедшую в состав ГФ. Так, в частности, 27 ноября 1989 г. в своем Манифесте «Куда мы следуем» Клуб Возрождение провозгласил требование «государственной независимости национальных республик Чешской и Словацкой, объединенных в федерацию [курсив мой. – Э.З.]»⁴⁸. Как видим, пози-

⁴⁶ Ibidem, d. 2, s. 29.

⁴⁷ Ibidem, s. 39.

⁴⁸ *Obroda. Klub za socialistickou predstavbu...*, s. 178.

ции Клуба Возрождения принципиально отличались от официальной программы, объявленной ГФ и ОПН: бывшие коммунисты-реформаторы считали возможным в вопросах государственно-правового устройства руководствоваться идеями Пражской весны.

Свое мнение о будущем государственном устройстве ЧССР отстаивала и Чехословацкая демократическая инициатива, которая в Заявлении от 10 декабря 1989 г. выдвинула идею проведения референдума по этому вопросу. Таким референдумом должны стать первые свободные парламентские выборы, включая вопрос о том, «каким должно быть наше национальное и государственное будущее»⁴⁹.

Иное видение будущего государственно-правового устройства ЧССР представили и лидеры Клуба Словацкое возрождение 68–89 в Манифесте от 11 декабря 1989 г. Они высказались в поддержку гуманного общественного устройства, характерными чертами которого, в частности, они называли «полное, суверенное развитие национальных словацкой и чешской республик, объединенных в реальной федерации»⁵⁰.

Примечательно, что как раз 10 декабря в ходе переговоров ГФ и ОПН с премьер-министром ЧССР коммунистом М. Чалфой было достигнуто решение о «правительстве национального согласия» с 11 представителями оппозиции и 10 членами лишившейся монополии на власть КПЧ. В тот же день ушел в отставку президент ЧССР Г. Гусак и это событие знаменовало собой формальное завершение периода «нормализации». Но означало ли оно открытие новых горизонтов в решении национальной проблемы?

Единогласное (когда депутаты от Чехии и Словакии, казалось бы, проявляли общую волю как граждане демократической Чехословакии) избрание 29 декабря 1989 г. нового президента единой страны, которым стал В. Гавел, внушало иллюзорную надежду, что он справится с решением и национальной проблемы. Меж тем начало нового 1990 года показало, что многие аспекты национальной проблемы не только не решались, но с катастрофической скоростью усугублялись. Но это уже тема другого исследования.

* * *

⁴⁹ Ibidem, s. 219.

⁵⁰ *November 1989 a Slovensko...*, s. 422.

Таким образом, можно утверждать, что для решения сложнейшей проблемы чешско-словацких отношений в рамках единого государства у оппозиции наличествовал всего лишь эклектический набор идей, а ее лидерам, пришедшим к власти в 1989 г., приходилось «на марше» преодолевать уже имевшиеся и вновь возникавшие по данному вопросу противоречия. В этих условиях росли несогласования уже не только между ГФ и ОПН, но и в рамках самого ГФ, а также структур исполнительной и особенно законодательной власти сформировано демократизирующейся Чехословакии.

Казавшееся более сложным внешне измерение национальной проблемы (оккупация страны вооруженными силами государств Варшавского блока в 1968 г.) с выводом советских войск было решено, а вот внутреннее измерение (решение проблемы государственно-правового устройства чехов и словаков) начало перманентно усложняться. Все это впоследствии проявилось в качестве разрушительных тенденций по отношению к единому государству чехов и словаков и в конечном счете привело (в числе прочих причин) к его распаду.

Summary

The subject of the considerations is the Czechoslovak „Velvet Revolution” and in particular its influence on the decomposition of Czechoslovak statehood. In the very title, the adjective „velvet” does not relate to the „revolution” but to a (civilized) „divorce” of the Czechs from the Slovaks. The influence the opposition exerted on the establishment of two separate states is assessed as the events of the „Velvet Revolution” were supposed to solve one of the most acute problems of the 75-year-old organism. Since the „Prague Spring” of 1968 and „socialism with a human face” there have existed realistic proposals on how to normalize the coexistence of the Czechs and the Slovaks within a single state – the „Spring” was to bring the elements of market economy and independence as well as to redefine the issues of a federation state. The events of the last 25 years in Czechoslovakia are analyzed from this perspective: the activity of the Communist Party of Czechoslovakia prior to the invasion of the Warsaw Pact forces, maintenance of „Charter 77”, later (Czechoslovak) Democratic Initiative and the Club for Socialist Reconstruction (as well as the Civic Forum) until the collapse of 1993, which was opposed by both Havel and Czarnogursky until the very end.